

Русскій Кадетскій Корпусъ.

ПЕРВЫЙ СБОРНИКЪ „Константиновскаго Литературнаго Кружка“. СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУСКИ КАДЕТСКИ КОРПУС.
„Бачко Книжевно Удружење
у спомен
Великог Кнеза Константина“.
ПЕСМЕ.

САРАЕВО
1924

На правахъ рукописи.

Русскій Кадетскій Корпусъ.

ПЕРВЫЙ СБОРНИКЪ
„Константиновскаго Литературнаго Кружка“.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУСКИ КАДЕТСКИ КОРПУС.
„Бачко Књижевно Удружење
у спомен
Великог Кнеза Константина“.
ПЕСМЕ.

CAPAEBO
1924

Библиотека А. В.
Справочный указ

1 — 1000.

„Во имя доблести, добра и красоты“!

К. Р.

Изъ стих. „ИЗМАЙЛОВСКІЕ ДОСУГИ“.

С.-П.Бургъ.

9 Янв. 1885.

Доходъ изданія поступить въ
пользу „Объединенія бывшихъ ка-
детъ Русскаго Кадетскаго Корпуса“.

16 Ноября прошлаго года, за недѣлю до Корпуснаго праздника, скончался нашъ прекрасный и талантливый Товарищъ кадетъ III кл. Борисъ Ушаковъ. Танцевальный вечеръ въ день праздника былъ отмѣненъ. Но мы почтили память почившаго и прочитали передъ собравшимися, самыми близкими, гостями его и наши стихотворенія. Одобренія гостей, учителей, воспитателей и кадетъ ободрили насъ, и мы слились въ „Литературный Кружокъ“, названный „Константиновскимъ“ въ память нашего незабвеннаго Августѣйшаго Учителя, Воспитателя и Поэта Великаго Князя Константина Константиновича.

Предлагаемый „Сборникъ“ — первый трудъ нашего кружка. Кто поможетъ его распространенію — тотъ сдѣлаетъ доброе дѣло въ пользу „Объединенія“ бывшихъ кадетъ нашего Корпуса и приложитъ свой листокъ къ незримому вѣнку Бориса Ушакова.

КОНСТАНТИНОВСКІЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОКЪ.

САРАЕВО
1924 г.

БОРИСЪ УШАКОВЪ.

III кл. (IX вып.).

Род. 14 Авг. 1909, сконч. 16 Ноября 1923.

I.

Мы Русскіе люди, мы люди „изгнанья“;
Потомки семей храбрецовъ, —
Мы изгнаны съ Родины, безъ состраданья,
За грѣшныя нравы отцовъ.

Ушли мы сражаясь, ушли мы страдая
Съ просторовъ Великой Земли.
О, Русь, наша мать! О, Россія родная,
Сыновнимъ молитвамъ внемли.

Ты слышишь о чемъ говорятъ тѣ молитвы:
Мы снова готовы схватиться за мечъ,
Готовы мы вынести новыя битвы,
Готовы за Родину лечь.

Чу, слышится стонъ изъ души наболѣвшей, —
То голосъ изъ Русской груди.
Россія! Мы слышимъ! Твой вопль долетѣвшій
Позвалъ насъ. Страдалица, жди!

Въ походы! Собирайтесь! Гусары, уланы,
Скорѣй становитесь въ ряды!
Ужъ вѣютъ знамена, трещать барабаны,
Ужъ видятся схватокъ слѣды...

Но все это грезы, все это мечтанья,
Мечты наболѣвшей души..
Мы — Русскіе люди, мы люди изгнанья
Вдали отъ Россіи, въ глуши.

Сентябрь 1923.

2.

ГОРИТЪ ВОСТОКЪ!

Пылаетъ пламенемъ востокъ,
Пылаетъ, ярко онъ горитъ;
Какъ призывающій пророкъ,
О счастья прошломъ говоритъ.
О счастья прошломъ, о быломъ,
О счастья всѣхъ минувшихъ дней...
На фонъ ярко-голубомъ
Сверкаетъ множество огней...
Горитъ востокъ... Сейчасъ восходъ...
Орелъ поднявшійся паритъ...
Вставай за Русь! вставай народъ!..
Востокъ горитъ! Востокъ горитъ!..
Пылаетъ пламенемъ востокъ,
О счастья будто говоритъ;
Задумчивъ взоръ его, глубокъ...
Вставай народъ!.. Востокъ горитъ!..

Октябрь, 1923.

Сонеты.

К. Р.

I.

Кажется.
(Евдоким).

Хоть и любилъ ты, но сердцемъ сознавалъ
Родство съ великой вольной секией.
Торжествъ и припадковъ души:
Ты не былъ — бранишь ты себя

Настояща дель и доблесть размышляя,
Самимъ же порабощавъ себя,
Ты ринувшись вьварно въ шумный бой.
Забывая смерть въ этотъ родной бой!

Но оживи и слышишь где-то
Возмущенъ былъ твой, въ холмъ голубыхъ раскатыхъ:
Еще мурлыкаешь, и слышишь, и слышишь

Чтобъ мой о твоемъ востановленъ горь,
Стань головой за Русь и за Царя.
Русскою твою раскинулъ и доблестно добился!

К. Р.

2.

ПОЛКЪ.

Нашъ полкъ! Завѣтное, чарующее слово
 Для тѣхъ, кто смолоду и всей душой въ строю.
 Другимъ оно старо, для насъ — все такъ же ново.
 И знаменуетъ намъ и братство, и семью.

О, знамя ветхое, краса полка родного,
 Ты, бранной славою вѣнчанное въ бок!
 Чье сердце за твои лоскутья не готово
 Всѣ блага позабыть и жизнь отдать свою?

Полкъ учить насъ терпѣть безропотно лишенья
 И жертвовать собой въ пылу святого рвенья.
 Все благородное: отвага, доблесть, долгъ,

Лихая удалъ, честь, любовь къ отчизнѣ славной,
 Къ великому Царю и вѣрѣ православной
 Въ единомъ словѣ томъ сливается: нашъ полкъ!

Красное Село

31 Мая 1899.

* * *

ПѢСНЯ КАДЕТЪ НА ЧУЖБИНѢ.

Вдали отъ Родины своей,
Мечтой о ней согрѣты,
Сомкнемся крѣпче и дружиѣй,
Плечомъ къ плечу, Кадеты!

Храня завѣты старины,
И доблести преданья,
Несемъ мы крестъ родной страны
Въ години испытанья.

Но крѣпокъ духъ, не сломятъ насъ
Лишенья и невзгоды;
Огонь, вѣдь, правды не угасъ,
Придутъ иные годы.

И вѣримъ мы: взойдетъ заря,
Заблещетъ надъ Москвою;
Любовью къ Родинѣ горя,
Пойдемъ родной тропою.

Пока-жъ, храня свои мечты,
Мечтой одной согрѣты,
Родного Корпуса ряды
Сомкнемъ дружиѣй, Кадеты.

Б. АДАМОВИЧЪ.

Изъ Т. Г. Шевченка

(Переводы съ малороссійскаго)

1.

„ЗА СОНЦЕМЪ ХМАРОНЬКА ПЛИВЕ“.

Кос.-Араль 1849.

За солнцемъ тученька плыветъ,
 Коверъ багряный разстилаетъ
 И солнце спать съ собою зоветъ
 Подъ синимъ моремъ, покрывая
 Парчевою пеленою,
 Съ материнской лаской.
 Заглядѣнье! Хоть немного,
 На часокъ прекрасный,
 Можетъ быть тоска угаснетъ
 Съ Богомъ въ разговоръ.
 А туманъ, какъ врагъ суровый,
 Застилаетъ море,
 Кроетъ тучку золотую
 И ведетъ съ собою,
 Съдовласый, тьму ночную
 И той тьмой нѣмою
 Спеленаетъ твою душу,
 И ты ждешь, тоскуя,
 Снова тучку золотую,
 Точно мать родную...

Сараево

2-15 Марта 1920.

2.

„НАДЪ ДНИПРОВОЮ САГОЮ“.

С. П.-Бургъ 20 Юня 1852.

Надъ Днѣпромъ, въ тиши залива,
Стоить яворъ между ивой,
Между ивой и рябиной
И румяною калиной.

Днѣпръ все берегъ роетъ, роетъ,
Корень явора все моетъ;
Старый голову повѣсилъ,
Словно тотъ казакъ невеселъ,

Что безъ роду, что безъ счастья,
Безъ надежды, безъ участья,
Безъ подруги черноокой,
Посѣдѣтъ одинокій!

Яворъ молвить: „наклониться
Что-ли въ Днѣпръ, хоть освѣжиться“.
Казакъ молвить: „прогуляюсь,
Можетъ съ милой повстрѣчаюсь“.

А калиночка съ рябиной,
Да съ игривой, гибкой ивой,
Словно дѣвушки, гуляютъ,
На лужайкѣ распѣвають,

Нарядились, расцвѣтились,
Съ долей свѣтлой обручились,
Ни заботъ, ни думъ не знаютъ, —
Вьются, гнутся, распѣвають.

Петроградъ.

22 Юля 1919.

3.

„КОЛО ГАЮ, ВЪ ЧЫСТИМЪ ПОЛИ“.

1849

Возлѣ лѣса, въ чистомъ полѣ,
 На холмѣ высокомъ,
 Рядомъ выросли двѣ ивы
 И въ бою жестокомъ
 Хлепцутъ вѣтками другъ — друга,
 Шелестя ворчливо...
 Это сестры — чародѣйки
 Эти злыя ивы.

Полюбили обѣ сразу
 Одного Ивана,
 А Иванъ, казакъ привычный,
 Не страшась обмана,
 Миловался то съ одною,
 То съ другою любо,
 Пока вечеромъ въ оврагѣ,
 Подъ зеленымъ дубомъ,
 Разомъ встрѣтились всѣ трое...
 — Такъ то ты, повѣса,
 Издѣваешься надъ нами?..

И пустились лѣсомъ
 За снадобъемъ, чтобъ Ивана
 Напоить отравой.
 Разыскали, накопили,
 Заварили травы...
 Зарыдали, застонали:
 Нечестна расправа.
 Думать поздно!..

Наварили,
 Ваню отравили
 И зарыли возлѣ лѣса,
 Въ полѣ, на могилѣ.

И забыли?.. Такъ тужили,
 Что рыдать ходили
 Каждый день на томъ курганѣ
 По своемъ Иванѣ,
 Пока сами отравились
 Тѣмъ зельемъ поганымъ.

А Господь, людямъ въ науку,
 Обратилъ ихъ въ ивы,
 Чтобъ росли на томъ курганѣ;
 И стоятъ ворчливо
 Надъ Ивановой могилой,
 Гдѣ казакъ ихъ дремлетъ,
 И трепещутся безъ вѣтра,
 Да и вѣтеръ треплетъ.

Сочи.

24 Октября 1919.

4.

„ПУСТКА“.

(Пустая хата).

С. П.-Бургъ 1847.

Спозаранку, новобранцы
 Выходили изъ села,
 А за ними, молодыми
 Красна дѣвица пошла.
 Мать бѣжитъ вослѣдъ изъ хаты
 Дочь отвадить отъ солдата.
 Разлучила, пробирала,
 Такъ, что въ землю закопала,
 И въ монахини пошла.

Какъ тогда, село осталось,
 Не перемѣнилось,
 Только хата на окраинѣ
 На бокъ наклонилась.

Вкругъ, солдатъ на деревяшкѣ
 Бродить, ковыляетъ,
 На окошко взглядъ кидаетъ,
 О быломъ вздыхаетъ.
 Все вздыхаетъ, — вдругъ, молъ, глянетъ
 Дѣвица изъ хаты,
 Иль поужинать солдата
 Мать позоветъ въ хату.
 Былъ когда-то онъ желаннымъ,
 Полотенца ткались,
 И мережки вырѣзались,
 Шелкомъ расшивались;
 Собирались повѣнчаться,
 Счастьемъ наслаждаться,
 А пришлось слезой, голубчикъ,
 Горькой умываться!
 Такъ сидитъ солдатъ у хаты;
 На дворѣ смеркаетъ,
 А въ окно сова, какъ баба,
 Смотритъ да моргаетъ.

Земунъ.

25 Октября 1920.

5.

СОНЪ.

С. П.-Бургъ. 1858.

Съ утра на барскомъ полѣ жала;
 Ужъ мочи нѣтъ; не отдыхать
 Пошла въ снопы, — заковыляла
 Ивана — сына приласкать:
 Дитя голодное кричало
 Въ тѣни прохладной за снопомъ.
 И грудь дала, и приласкала,
 Пеленки сушить. . Тихимъ сномъ,
 Надъ сыномъ сидя, задремала,
 И снится ей: сынокъ Изанъ —
 Красивый, умный и богатый,
 Вотъ обрученный, вотъ женатый

На вольной, видно, онъ и самъ
Ужъ не господскій, а на волѣ;
И на своемъ отрадномъ полѣ
Вдвоемъ, съ утра, пшеницу жнутъ;
Вотъ дѣточки обѣдъ несутъ...
Во снѣ бѣдняжка улыбнулась...
Но вотъ очнулась, — все пропало!
На сына глянула; взяла
Его, опять запеленала
И полосу кончать пошла,
Пока заря не запылала.

Варна

16 Февр. 1920.

ГЕОРГІЙ АЛЕКСѢВЪ.

V кл. (VII вып.).

1.

НОЧЬ

Ночь, о безумная, страшная!
 Что ты вселяешь въ меня:
 Думы, надежду-ль прекрасную,
 Страсть-ли? — Не вѣдаю я.

Знаю лишь: въ ночи осеннія
 Долго сижу подъ окномъ;
 Слезы, какъ воды весеннія,
 Льются да льются ручьемъ.

Что ты, о ночь темнокудрая,
 Въ душу такъ страшно глядишь?
 Что ты за сказочку чудную
 Такъ непонятно твердишь?

Что есть въ тебѣ, черноокая, —
 Въ огненныхъ взлядахъ твоихъ?
 Что есть родное, далекое
 Въ нѣжныхъ объятіяхъ ночныхъ?

19 Ноября 1923.

2.

ТРИ СЛОВА.

Я слышалъ два слова, прекрасныхъ два слова,
 Гдѣ слышалъ — не помню теперь;
 Мелькаютъ они въ моей памяти снова
 И шепчутъ: „надѣйся“ и „вѣрь“.

Въ минуты страданій, несчастья и горя,
 Когда на душѣ тяжело,
 Я слышу: „надѣйся“, — надѣюсь, и скоро
 Становится сердцу тепло.

Когда же охватятъ невѣрья мгновенья,
 И сердце сжимаетъ печаль,
 Мнѣ слышится: „вѣрь“, — я молюсь до забвенья,
 И счастьемъ мнѣ свѣтитъ даль.

Но есть еще слово, безцѣнное слово,
 Пурпурнаго цвѣта, какъ кровь,
 И все, что ни есть на землѣ дорогого,
 Зовется тѣмъ словомъ: любовь!

14 июня 1923.

3.

ПОЕДИНОКЪ

На бѣломъ конѣ, еще ранней порою,
 Въ безмолвномъ лѣсу, въ тишинѣ гробовой,
 На солнцѣ сверкая блестящей броней,
 Сквозь чащу скакалъ богатырь молодой.

Гулялъ тихій вѣтеръ, деревья шептались,
 Чуть хвороста трескъ подъ ногами коня
 Въ лѣсу раздавался; а солнце играло,
 На шлемѣ чеканномъ лучами горя.

Ужъ день сталъ склоняться къ закату, стемнѣло,
 И ночь опустилась на лѣсъ и луга;
 Вдругъ буря въ вершинахъ лѣсныхъ засвистѣла,
 И лѣсъ встрепенулся, шумя и гудя.

Качнулись вдругъ ели, и чаща раскрылась,
 Блеснулъ на опушкѣ булатъ серебромъ,
 Копье зазвенѣло, и витязь пустился
 На вѣрномъ конѣ, укрываясь щитомъ.

А тамъ, на полянѣ, на черномъ конѣ,
Закованный рыцарь, въ желѣзо и сталь,
Его поджидалъ и въ могучей рукѣ
Тяжелый палашъ наготовѣ держалъ.

Таинственный мѣсяцъ средь мчавшихся тучъ
Блеснулъ на поляну холоднымъ лучомъ,
И видѣнъ былъ бой, и жестокъ и могучъ,
И скрежетъ мечей разносился кругомъ.

Когда же, на утро, заря заалѣлась,
Багрянцемъ на тучахъ послѣднихъ горя,
Печально dospѣхи подъ нею зардѣлись
Сраженнаго витязя, златомъ блестя.

1 Октября 1922.

КОНСТАНТИНЪ МАШТАКОВЪ

VI кл. (VI вып.).

ПОВѢСТІ, БУРЛАЦКАЯ.

Не спою тебѣ,
Разскажу тебѣ
Про житѣ — бытѣ,
Про веселое.

Быль на Волгѣ я
Во бурлатчинѣ,
Было времячко
Разудалое...

А до этого
Я у барина
Ѣздилъ кучеромъ
По имѣніямъ.

Было мнѣ тогда
Лѣтъ подъ двадцать пять,
Быль молодчикомъ
Хоть куда тебѣ.

Полюбилъ меня
Баринъ ласковый
И дарилъ меня
Кумачемъ — парчей.

Да попуталъ грѣхъ
Добра молодца, —
Полюбилась мнѣ
Дочка барская...

Разъ идетъ ко мнѣ
Въ непогодушку
Кладъ души моей
Неоцѣнная.

Говоритъ она
Мнѣ такъ ласково:
„Покатай меня
По околицѣ“.

Запрягалъ коня
Я соловаго
Въ сани легкія,
Легче перышка.

И помчались мы
Вдоль по улицѣ
Прямо во поле,
Всѣмъ открытое.

Уже часъ летитъ
Лошадь статная,
Позади, вдали
Все осталось.

„Задержи коня,
Пусть шажкомъ идетъ“, —
Говоритъ она,
Улыбаяся, —

„Да садись сюда
Со мной рядышкомъ,
Распотѣшь меня,
Своей пѣсенкой!“

А кругомъ поетъ
Вьюга зимняя
Свою пѣсенку
Похоронную.

Какъ подстѣлъ я къ ней,
Сердце замерло,
Ровно что оно
Испугалось.

А она, моя
Ненаглядная
Плачетъ жалобно,
Разливается.

„Ты открой, душа,
Горе лютее,
Что такъ мучаетъ
Твою душеньку“.

Говорить она
Сквозь рыданія:
„Я просватана
За немилаго“...

Покаталъ ее
Я, голубушку,
Вплоть до вѣчера
Зимне-темнаго...

Распрощался съ ней,
Взялъ котомочку
И пошелъ туда,
Къ Волгѣ — матушкѣ.

Сколько горькихъ думъ
Въ мою голову
Всю дороженьку
Наносилось...

„Ворочусь назадъ
Да покончу съ нимъ
Съ моимъ бариномъ,
Разлучителемъ.“

„Да возьму ее,
Неоцѣнную,
Укачу, умчу
Въ края дальніе!..“

Но Господь Христосъ
Видно спасъ меня,
Внялъ моленіямъ
Моей матушки:

Лишь подумаю
Я о баринѣ,
Слезы сладкія
Вдругъ покатятся...

„Онъ любилъ меня!..“
Вспоминаю я,
И сердечушко
Успокоится.

По чужимъ дворамъ,
На чужихъ харчахъ
Я промаялся
Всю ту зимушку,

А весна пришла,
Во бурлатчину
Приписался я,
Въ круговую артель.

И спасибо же
Той бурлатчинѣ:
Я нашелъ покой
Въ ея долюшкѣ!

Какъ настанетъ ночь
Съ ея звѣздами,
Мы разсядемся
Огонька вокругъ.

Заговорить кто,
Мы всѣ слушаемъ,
Какъ въ дождливый день
Сказку бабушки.

И лишь къ полночи
Всѣ улягутся,
Раздается храпъ
По степи вокругъ.

Да не спится мнѣ,
На костеръ гляжу,
Какъ уголья въ немъ
Свѣтло теплятся;

А потомъ смотрю
Долго на небо,
Какъ тамъ звѣздочки
Улыбаются.

И легко тогда
Мнѣ становится,
Не жалю жизнь
Такъ прожитую.

Февраль 1923 г.

ИГОРЬ НОВОСИЛЬЦЕВЪ.

VII кл (V вып.).

1.

ВЕЧЕРНЯЯ СКАЗКА.

Вечерняя сказка съ далекаго моря,
 Опять ты примчалась, кружишь надо мной.
 О, сколько печали, глубокаго горя
 Мнѣ въ душу запало съ нѣмою тоской!

Уйди же ты, сказка, не надо печали, —
 Мнѣ хочется тихо, спокойно пожить...
 Но пѣсни вечернія въ душу запали,
 Заставили думать, страдать и любить!

Сентябрь 1923.

2.

* * *

Все та же тоска и нѣмая печаль,
 И сердце по старому ноетъ.
 Послѣдній цвѣтокъ помертвѣлъ и увялъ,
 И вьюга надъ кладбищемъ воетъ...

Безумно такъ жалко чего-то порой,
 Такъ хочется ласки и счастья, —
 Проститься навѣки со злою судьбой,
 Уйти навсегда отъ ненастья!

И жить лишь минутой, веселой, живой,
 Чтобъ въ ласкахъ и въ счастья забыться,
 Уйти отъ земного, жить только мечтой...
 Но нѣтъ! этимъ грезамъ не сбыться!

Сентябрь 1923.

3.

ПРОСТИ.

Лилась моя пѣсня, лилась... оборвалась;
Я пробоваль снова запѣть, и нѣтъ силъ;
На сердцѣ глубоко та пѣсня осталась,
Ту пѣсню надолго я въ немъ схоронилъ.

Вернись же ко мнѣ, дай отраду и счастье.
Мнѣ холодно, грустно. Приди же, приди!
Мы будемъ вдвоемъ въ это злое ненастье...
Зачѣмъ ты сказала: „весны подожди“?

Я ждать не могу, и нѣтъ силъ дожидаться,
Мнѣ хочется сразу все счастье испытъ.
Чѣмъ медлить, не лучше-ль совѣмъ не встрѣчаться,
Не знать ничего, никогда не любить.

Да, пѣсня замолкла, прервалась безслѣдно.
Она не пришла, не хотѣла придти.
Я горько рыдалъ, я рыдалъ безутѣшно...
Прости, дорогая, навѣки прости!

Декабрь 1913.

ВАСИЛІЙ ПЕРЛОВЪ.

V кл. (VII вып.).

1.

ЧЕРНЫЙ ЗАМОКЪ.

На вершинѣ крутого утеса,
Гдѣ гуляютъ лишь вѣтры одни,
Горделиво и грозно вознесся
Черный замокъ, въ далекіе дни.
Жили герцоги въ замкѣ когда-то,
Но угасъ знаменитый ихъ родъ;
Нынѣ въ замкѣ томъ тихо, спокойно,
И давно въ немъ никто не живетъ.
Лишь въ таинственный часъ полуночи
Загорается въ башнѣ огонь,
Въ окнахъ видны какія-то тѣни,
Раздается тамъ хохотъ и стонъ...
О, бѣда, если кто-нибудь ночью
Въ этотъ замокъ рѣшится войти,
Онъ оттуда ужъ больше не выйдетъ,
Да и праха его не найти.
Только въ полночь опять загорится
Въ гордомъ замкѣ зловѣщій огонь,
Замелькаютъ таинственно тѣни
И послышится хохотъ и стонъ.

Январь 1922.

2.

ЛУННАЯ НОЧЬ.

Въ лунномъ свѣтѣ спитъ рѣка,
Отражая облака;
Въ небесахъ луна плыветъ,

Серебря поверхность водъ.
 Тишина царить кругомъ,
 Все объято чуткимъ сномъ.
 Лишь порой шуршитъ камышъ,
 Да летучая, вдругъ, мышъ
 Пролетить, черкнувъ крыломъ,
 И исчезнетъ за холмомъ.
 И опять кругомъ все спитъ,
 Лишь камышъ въ тиши шуршитъ,
 Да сіяетъ съ вышины
 Ликъ серебряный луны.

Іюнь 1923.

3.

ПАМЯТИ КАДЕТА VII ВЫП. ГЛѢБА ЖУРОМСКАГО.

(† 23 Окт. 1922).

Спи, мой другъ! Въ землѣ, глубоко,
 Въ кельѣ тѣсной и сырой,
 Отъ страны родной далеко
 Ты обрѣлъ себѣ покой.
 Не видать тебѣ ужъ болѣ
 Милой родины своей,
 Не гулять уже на волѣ
 Средь родныхъ луговъ, полей:
 Далеко, въ чужой долині,
 Средь чужихъ Боснійскихъ горъ
 Будешь спать, мой другъ, отнынѣ,
 Гдѣ ничей не видитъ взоръ.
 Спи жъ, мой другъ! Хоть ты далеко
 Отъ Россіи погребенъ,
 Но съ полей своихъ широкихъ
 Шлетъ она тебѣ поклонъ.
 Много братьевъ здѣсь погибло
 Отъ лишеній и труда,
 Но дѣтей своихъ Россія
 Не забудетъ никогда.

Сентябрь 1923.

4.

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО.

Уже за полночь. На ночномъ
 Дежурствѣ я сижу;
 На стѣны желтыя, потомъ
 На плащъ, сквозь сонъ, гляжу.
 Въ казармѣ миръ и тишина,
 Все спитъ, вездѣ покой;
 Одинъ лишь я не знаю сна,
 Да сербскій часовой...
 И вспомнилъ я Святую Русь,
 Родимый край, Москву,
 Куда душой своей стремлюсь,
 Гдѣ сердцемъ я живу.
 И понеслись передо мной
 Минуты и года:
 Вотъ покидаемъ край родной,
 Вотъ привезли сюда...
 Тоска пришла на мѣсто сна,
 Слеза на грудь стекла.
 А вокругъ все та же тишина
 Все та жъ ночная мгла.

Октябрь 1923 г.

5.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

Не подулъ съ полночи вѣтеръ,
 Не покрыла землю мгла, —
 Дума тяжкая на сердце
 Добру молодцу легла.

На чужбинѣ, по Россіи
 Соскочался молодецъ,
 Ждетъ онъ, ждетъ, когда настанетъ
 Смуты горестной конецъ.

Но придется ль удалому
Молодцу поднять свой мечъ
И врагу Россіи злему
Злую голову отсѣчь?

Или самъ, въ борьбѣ неравной,
За Россію и народъ,
Смертью храбрыхъ, смертію славной
Добрый молодецъ умереть?

Кто узнаетъ, кто расскажетъ,
Что судьба ему пошлетъ:
Будетъ онъ опять въ Россіи
Иль въ сраженіи падетъ?

Октябрь 1923 г.

6.

СНѢГЪ.

Что-то въ воздухѣ мелькаетъ,
Затмевая свѣтъ дневной,
И туманной покрываетъ
Даль нѣмую пеленой...

То не лебедь ли, пронзенный
Безпощадною стрѣлой,
Распахнувъ широко крылья,
Бѣлый пухъ теряетъ свой?

Или то, кружась, несутся
Изъ тумана, съ высоты,
Бурей сорванные съ вѣтокъ,
Дикой яблони цвѣты?

Иль то брызги бѣлой пѣны
Отдѣлились отъ волны,
Что вздымаетъ кверху гребень
Изъ подводной глубины?

Нѣтъ, не пухъ то лебединый
И не брызги, не цвѣты, —
Это снѣгъ, летитъ, бѣлѣя,
Съ поднебесной высоты!

Ноябрь 1923 г.

АЛЕКСАНДРЪ ПОГРЕБНОЙ.

VII кл. (V вып.).

1.

МОЛИТВА.

Молюсь Тебъ, о Боже правый,
 Молюсь, надеждою горя:
 Подай Россіи миръ желанный
 Подъ властью Бълаго Царя!

юль, 1921 г.

2.

УТРО НА МОРЪ.

Румяное лѣтнее утро проснулось,
 Царить надъ землею благодать,
 На морѣ безбрежномъ такъ тихо, покойно,
 Прекрасна лазурная гладь.

Мнѣ видно сквозь ясныя, чистыя воды,
 Какъ рыбы играютъ на днѣ:
 Купаясь на солнцѣ, ведутъ хороводы,
 Сверкають въ морской глубинѣ.

Лѣниво, задумчиво волны взбѣгаютъ,
 Ласкаясь, на берегъ морской
 И нѣжно рокочутъ, журчатъ, утихаютъ,
 Не смѣя нарушить покой.

А яркое солнце, надъ всѣмъ подымаясь,
 Зеркальную ширь золотить,
 И море, какъ въ сказкѣ, огнемъ отливаясь,
 Сверкаетъ, горитъ и блеститъ...

1923 г.

3.

ОСЕНЬ.

Вѣтеръ осенній тоскливо шумить,
Листья съ вѣтвей осыпая,
Съ жалобнымъ шелестомъ ими шуршитъ,
Грусть и печаль нагоняя.

Желтые листья на землю летятъ,
Шепчутъ про что-то родное,
Что-то забытое вновь шевелятъ...
Вспомнилось время бывшее,

Вспомнилось счастье, минувшіе дни,
Радость, мечты золотыя;
Нѣтъ ихъ теперь, улетѣли они,
Листья остались сухіе...

Вѣтеръ осенній тоскливо шумить,
Стонетъ, по вѣткамъ гуляя,
Лѣтнимъ нарядомъ печально шуршитъ,
На душу грусть навѣвая...

Ноябрь, 1923 г.

4.

НОЧЬ НА МОРЕ.

Тихая ночь опустилась на море,
Ровно, спокойно сіяетъ луна;
Лишь на водѣ серебрится дорожка,
Вдаль убѣгая, сверкаетъ она.

Легкія волны загадочно шепчутъ,
Что-то таинственно, нѣжно журчатъ;
Мелкіе камешки важно рокочутъ,
Спорятъ о чемъ то и тихо ворчатъ....

Море чуть дышетъ широкою грудью,
 Блѣдныя звѣзды несмѣло глядятъ,
 Рыба плеснется порою, и брызги,
 Точно алмазы, горятъ и летятъ.

Лѣтняя ночь, съ тишиною волшебной,
 Такъ упонительна, такъ хороша.
 Дивны красоты Всевышняго Бога! —
 Вторить съ восторгомъ, ликуя, душа.

Тихо и тихо кругомъ... Лишь въ раздумьи
 Нѣжно журчить, набѣгая, волна;
 Море горитъ серебромъ и сверкаетъ;
 Матовый свѣтъ разливаетъ луна...

Январь 1924 г.

ФЕДОРЪ ПОЛКОВНИКОВЪ,

VIII кл. (IV вып.).

1.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ.

Ура, нашъ Вождь, мы всѣ съ тобою;
 Веди насъ родину спасать,
 Мы грянемъ Божьею грозою, —
 Врагамъ въ борьбѣ не устоять.

Мы вырвемъ Русь изъ рукъ злодѣевъ,
 Мы побѣдимъ, мы Русь спасемъ;
 Веди насъ, Вождь, веди скорѣе;
 Мы всѣ за Родину умремъ.

Ура, нашъ Вождь, мы всѣ съ тобою,
 Мы сбросимъ красный грязный флагъ
 И вновь надъ Матушкой-Москвою
 Поднимемъ старый русскій стягъ.

Сентябрь 1923 г.

2.

Тебѣ я вѣренъ, Тихій Донъ,
 Казакъ остался я душою,
 И, съ пѣсней выросши степною,
 Люблю святой Московскій звонъ.

Едва лишь онъ души коснется,
 Какъ встрепенется вмигъ она,
 Любовью къ Родинѣ полна,
 И сердце русское забьется.

1923.

3.

РОДИНЪ.

Стѣпи любимыя, гдѣ вы родимыя,
 Гдѣ вы широкія, необозримыя,
 Гдѣ вы, когда же увижу васъ я?
 Гдѣ ты, святая Отчизна моя?
 Что съ тобой, Родина — Русь необъятная,
 Необозримая и непонятная?...
 Вѣримъ, что сбросишь ты иго съ себя,
 Мы — твои дѣти, — мы вѣримъ въ тебя.
 Вѣримъ, воскреснешь ты снова, родимая,
 Будешь могучая, непобѣдимая,
 Мудрою царской рукою водимая,
 Будешь ты снова Великой, любимая.

Декабрь 1922 г.

4.

ЗАБЫТАЯ МОГИЛА.

Какъ ты печальна, мгила забытая;
 Холмъ подъ косматою травой,
 Крестъ покосился гнилой,
 Мимо проходить тропинка пробитая.

Жилъ же когда-то и ты, всѣми брошенный;
 Счастливо, нѣтъ-ли, но жилъ;
 Прожилъ, что надо, и, смертью подкошенный,
 Вѣчнымъ ты сномъ опочилъ.

Жилъ ли ты сѣрою жизнью, какъ многіе,
 Жизнью безъ думъ и безъ грезъ?
 Были ли бурные годы, недолгіе,
 Полны и смѣха и слезъ?

Что твоя жизнь, такъ давно пережитая!
 Каждый живетъ лишь своей;
 Годы пройдутъ, и другая забытая
 Выростетъ рядомъ съ твоей.

Всѣхъ поджидаетъ насъ смерть неизбежная;
 Жизнь пролетитъ, промелькнетъ,
 Будемъ въ могилахъ, и „память“ то „вѣчная“
 Также травой порастетъ.

Какъ ты печальна, могила забытая;
 Холмъ подъ косматой травой,
 Крестъ покосился гнилой,
 Мимо проходитъ тропинка пробитая.

1923 г.

5.

Разступитесь горы, скалы,
 Дайте мнѣ просторъ.
 Дайте степь, на ней, бывало,
 Огдыхаль мой взоръ.

Разступитесь, пропустите
 Въ степь, на Донъ, домой;
 Все за степь себѣ возьмите,
 Все за Донъ родной!

Январь 1924 г.

6.

КТО ТЫ ТАКОЙ?

Кто ты такой? Фигляръ ты или геній,
 За Божій даръ осмѣянный толпой?
 Кто ты такой, что все, безъ сожалѣній,
 Готовъ топтать презрительно ногой?

Ты только пользу цѣнишь; остальное,
Чего купить нельзя или продать, —
Все для тебя ненужное, пустое
И ты готовъ то злобно осмѣять.

„Любовь, надежду, вѣру прочь гоните:
„Не въ этомъ жизнь!“ — однажды ты сказалъ, —
„Лишь въ пользѣ жизнь всегда, вездѣ ищите,
„Жизнь только въ томъ: купилъ или продалъ!“

Кусты сирени, старую аллею,
Заросшій садъ, зеркальный прудъ, цвѣты —
Ты все клеймишь насмѣшкою своею:
Тебѣ доходъ подай; зачѣмъ мечты?

Ты эгоистъ, холодный, равнодушный,
Живой мертвецъ, могильная плита,
Искусству жить покорный и послушный;
Ты не живешь, — душа твоя пуста.

Но кто же ты? Открой свое забрало!
Зачѣмъ весь этотъ пошлый маскарадъ?
Сними съ себя святое покрывало,
И благородный рыцарскій нарядъ!

АНАТОЛІЙ РОССЕЛЕВИЧЪ.

II вып.

ПАСХА 1921 г.

Вторая Пасха за границей,
 Вдали отъ Родины святой!
 О, если могъ бы я, какъ птица,
 Слетать на Пасху въ край родной!
 Увидѣть мать, ее поздравить
 И снова русскій край оставить,
 Но съ обновленною душой.

„Христосъ Воскресе!“ Гимнъ побѣдный
 Звучить, волнуется и гремитъ
 По торжествующей вселенной;
 Но многихъ онъ не веселитъ:
 Онъ не для бѣженцевъ... И нынѣ
 Тоскливо, грустно на чужбинѣ
 Звучать слова „Христосъ Воскресе!“

1921.

Сараево.

АЛЕКСѢЙ ЭЙСНЕРЪ.

VII кл. (V вып.).

1.

ПЛАЧЪ РУСИ-ЯРОСЛАВНЫ.

Чу!.. На башнѣ кукушкой тоскливой
 Плачетъ Русь-Ярославна, кукуеть;
 Передъ зорькою блѣдной, пугливой
 О далекомъ, о Князѣ тоскуеть...

„Игорь!.. Игорь!.. Вернись, мой любимый!
 „Что княгиню свою ты покинулъ?
 „Гдѣ лежишь, о мой витязь родимый?
 „Отъ какого врага, княже, сгинулъ?..

„Гдѣ ты, княжѣя дружина? Гдѣ стяги?..
 „Знатъ поломаны острыя копья,
 „Иль на васъ не кольчуги, — сермяги?
 „Иль душа у дружины холопья?..

„Игорь!.. Князь мой!.. Гдѣ бѣлое тѣло?
 „Аль по полю его размыкали?..
 „Знатъ погибло спасенія дѣло!
 „Знатъ напрасно вы жизни отдали!..

„Игорь!.. Князь мой!“ — На башнѣ уныло
 Плачетъ Русь-Ярославна, кукуеть...
 Слышно, гдѣ-то волчица завыва:
 Ярославну ей жалко, — тоскуеть!..

А за моремъ, въ ущельѣ далекомъ
 Бѣлый Игорь — дружина съ мечами
 На коняхъ спитъ въ молчаньи глубокомъ,
 И смѣняются ночи ночами...

Копья блещутъ, колышатася стяги,
 Вѣтеръ нѣжно по лицамъ гуляетъ...
 Геѣ! проснитесь!.. Въ дорогу, сердяги! —
 Русь по Игорю-Князю скупаетъ!..

Іюль 1923 г.

2.

КОЗЛОВУ.

Ты правъ, слѣпой баянъ-поэтъ,
 Что черезъ много долгихъ лѣтъ
 Другой пѣвецъ земли родной
 Затянетъ пѣсню надъ тобой.

И правда то, что будетъ онъ
 Въ раздумьи пѣть вечерній звонъ,
 Что будетъ плакать о быломъ,
 О тѣхъ краяхъ, гдѣ отчій домъ...

При звукахъ этихъ все замретъ, —
 Тоскою пѣсня міръ зальетъ,
 А надъ могилою твоей
 Замолкнетъ чуткій соловей...

Ты будешь пѣснь той внимать,
 Любовь и счастье вспоминать,
 И вспомнишь ты о юныхъ дняхъ,
 О золотыхъ своихъ мечтахъ...

И ты поймешь, что пѣснь любви
 Творить поэтъ, съ тоской въ крови,
 Что мукой полонъ онъ твоей,
 Что нѣтъ въ глазахъ его огней!..

А онъ, рыдая, будетъ пѣть,
 И будетъ колоколъ гудѣть...
 И, съ болью въ сердцѣ, вспомнитъ онъ,
 Что эта пѣснь... вечерній звонъ!

Іюль 1923 г

3.

Н. В. ПЛЕВИЦКОЙ.

Какъ въ весеннюю ночь соловьиная трель,
 Ваши пѣсни на сердце упали;
 Разогнали онѣ сѣрыхъ мыслей мятель
 И на струнахъ души задрожали...

Вы разбили унылую цѣпь скучныхъ дней,
 Наши взоры къ Москвѣ обратили
 И горячимъ блистаніемъ яркихъ огней
 Безпросвѣтныя будни смутили.

Вы намъ пѣли о бѣдной деревнѣ родной,
 О страдающей дряхлой старухѣ
 И о дѣвушкѣ милой, наивно простой...
 Вы рыдали о русской разрухѣ...

Мы въ восторгѣ внимали волшебнымъ словамъ,
 И звучали напѣвы родные...
 Если бѣ знали вы только, какъ искренно вамъ
 Благодарны сердца молодая!..

Вѣрьте мнѣ, что, когда возродится опять,
 Русь Святая, и годы промчатся,
 Старики будутъ часто о Васѣ вспоминать,
 Будутъ внуки ихъ Вамъ удивляться!

Сентябрь 1923 г.

4.

СЛАВА ПОЭТУ!

„Гдѣ вы теперь, мои звѣзды лучистыя,
 Въ эти безумные дни, —
 Ларины Тани и Лизы Калитины —
 Вешнія грезы мои?“

АНДРЕЙ БАЛАШЕВЪ.

Въ дни безконечныхъ, тяжелыхъ лишеній
 Все предалось суетѣ,
 Только баяны родныхъ пѣснопѣній
 Служатъ святой красотѣ.

Къ вамъ, къ идеаламъ старинныхъ завѣтовъ,
 Къ чуднымъ созданьямъ творцовъ
 Пѣсни летятъ вдохновенныхъ поэтовъ,
 Гордыхъ примѣромъ отцовъ.

Слава поэту! — вопросомъ пѣвучимъ
 Наши онъ чувства задѣлъ...
 Слава поэту! — онъ сердцемъ могучимъ
 Дѣвушекъ русскихъ воспѣлъ!..

Октябрь 1923 г.

5.

ПАЖЪ.

Тамъ, у синяго моря, гдѣ шепчутся волны,
 Гдѣ весеннія думы и чувства свѣжѣй,
 Тамъ когда-то жила королева изъ сказки,
 Окруженная пылкой толпою пажей.

Королеву изъ сказки пажи обожали,
 Къ нимъ она равнодушна, какъ море, была,
 Но горячею ночью, на башнѣ угрюмой
 Иностраннаго рыцаря страстно ждала.

Онъ являлся, по плюцу наверхъ поднимался,
 И стыдливо за тучи скрывалась луна...
 Королева такъ нѣжно его обнимала!
 Королева изъ сказки была не одна...

Но, однажды, томительной ночью, подъ башней
 Самый юный и самый хорошенькій пажъ
 По тропинкѣ гулялъ и, глаза поднимая,
 Тихо, тихо шепталъ: „Королева, — я вашъ“!

Вдругъ онъ видитъ -- по плюцу скользнула на землю
 Чья-то тѣнь. Сверху факелъ ей путь освѣтилъ..
 Пажъ взволнованно вскрикнулъ, за тѣнью погнался
 И врага королевы за руку схватилъ.

Зазвенѣла кольчуга... Рукою могучей
 Пажъ отброшенъ на камень, а рыцарь пропалъ...
 Королева, склонившись, чуть слышно спросила:
 „Гдѣ ты, милый“? — и факель съ балкона упалъ.

Все затихло... Вдругъ что-то подъ башней мелькнуло.
 Слышенъ плескъ. Изъ-за тучъ показалась луна...
 Понялъ пажъ королеву — ей стража не нужна!..
 И надъ нимъ зарыдала морская волна...

Октябрь 1923 г.

6.

ТРОЙКА.

Ночь. Луна. Морозъ трещить.
 Снѣгъ скрипитъ и стонетъ...
 Тройка бѣшено летитъ, —
 Вѣтеръ не догонитъ!

Колокольчикъ голосить
 Жалобно и звонко.
 Коренникъ лихой храпитъ,
 Плачетъ полозъ тонко.

Молодой ямщикъ запѣлъ,
 Про свою кручину,
 Про несчастный свой удѣлъ...
 „Догорай лучина“!..

Справа снѣгъ и слѣва снѣгъ,
 Ни слѣда, ни звука...
 Тройка скачетъ цѣлый вѣкъ,
 И навѣкъ разлука!..

Скучно стало ямцику, —
По конямъ ударилъ.
„Разнесемъ твою тоску
„Мы сегодня, баринъ“!..

Молодой ямцикъ свистить.
Снѣгъ скрипитъ и стонетъ...
Тройка бѣшено летитъ, —
Прошное хоронитъ...

Ноябрь 1923 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
ОТЪ КРУЖКА	5
Б. УШАКОВЪ.	
1. Мы — Русскіе люди	7
2. Горитъ востокъ	8
К. Р.	
Сонеты:	
1. Кадету	9
2. Полкъ	10
* * *	
Пѣсня кадетъ на чужбинѣ	11
Б. АДАМОВИЧЪ.	
Изъ Т. Г. Шевченка:	
1. За солнцемъ тученька плыветъ	12
2. Надъ Днѣпромъ, въ тиши залива	13
3. Возлѣ лѣса, въ чистомъ полѣ	14
4. Пустая хата	15
5. Сонъ	16
Г. АЛЕКСѢЕВЪ.	
1. Ночь	18
2. Три слова	18
3. Поединокъ	19
К. МАШТАКОВЪ.	
Повѣсть Бурлацкая	21

	Стр.
И. НОВОСИЛЬЦЕВЪ.	
1. Вечерняя сказка	24
2. Все та же тоска	24
3. Прости	25
В. ПЕРЛОВЪ.	
1. Черный замокъ	26
2. Лунная ночь	26
3. Памяти кадета VII вып. Глѣба Журомскаго . .	27
4. Ночное дежурство	28
5. Тоска по Родинѣ	28
6. Снѣгъ	29
А. ПОГРЕБНОЙ.	
1. Молитва	31
2. Утро на морѣ	31
3. Осень	32
4. Ночь на морѣ	32
Ф. ПОЛКОВНИКОВЪ.	
1. Главнокомандующему	34
2. Тебѣ я вѣренъ, Тихій Донъ	34
3. Родинѣ	35
4. Забытая могила	35
5. Разступитесь горы, скалы	36
6. Кто ты такой?	36
А. РОССЕЛЕВИЧЪ.	
Пасха 1921 г.	38
А. ЭЙСНЕРЪ.	
1. Плачъ Руси-Ярославны	39
2. Козлову	40
3. Н. В. Плевицкой	41
4. Слава поэту	41
5. Пажъ	42
6. Тройка	43

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DR1230
.R85
P47
1924

Цѣна 15 динаръ.

Продається въ русскихъ книжн. магазин. г. Бѣлграда.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Сарајево, Руски Кадетски Корпус.